



Главная награда

И вновь была весна на белом свете. Взбесился Трубеж. Девчонка в модной вязаной спортивной шапочке во все глаза смотрит на это чудо: громоздясь и сталкиваясь, стремятся в озеро льдины. Кипит река. И на сердце тревожно, и радостно, хочется смеяться. Отчего это — сама не знает. Наверное, от буйства весны — вечной обновительницы природы и людей. А может, оттого, что стрижом бьётся в груди юное сердце и полно оно тайных надежд: что там впереди?

Кладу на стол фотографию этой девчонки. Поднимаю глаза. Напротив за столом седая женщина — Зинаида Павловна Кузнецова. За окном играет солнце. Опять весна на белом свете: какая уж по счёту?

— Такая я была в юности, — кивает она на снимок, — а скоро мне 81 год. Прожила жизнь и не заметила как. Думаю часто: то ли во сне приснилось, то ли наяву я всё перенесла...

Она родилась в Переславлe и никуда отсюда не уезжала. В 31-м году окончила семь классов, поступила в ФЗО при фабрике киноплёнки. Училась и вместе с девчонками ходила на практику в эмульсионный цех, а спустя полтора года пришла сюда полноправным рабочим человеком.

— Начальником у нас был Иван Демьянович Головатенко, а мастером Евсей Эммануилович Барер, — рассказывает Зинаида Павловна, — очень хорошие, душевные люди. Не покрикивали, не торопили, всё старались объяснить.

Впрочем, и сама она была не лыком шита. Горячая, непоседливая, всё хотелось узнать, понять, освоить. И не как-нибудь, а до тонкостей. Говорит об этом просто:

— Я, наверно, душой была, везде совала свой нос...

Работа поначалу пугающая, неведомая, открывала свои тайны, становилась призванием. В это невозможно поверить, но до сих пор она помнит технологию. В воспоминаниях она была опять там — в любимом цехе. Готовила эмульсию. Заливала в аппарат дистиллированную воду, вводила компоненты, поднимала температуру. Потом посмотрела на часы за спиной: через сорок минут должна закончиться варка.

В то время в ходу было понятие «чувствовать эмульсию». Обладали этим чувством истинные мастера своего дела.

— Опыт был такой, — говорит Зинаида Павловна, — температуру определяли наощупь, рукой. Не было у нас современных измерительных приборов, которые сейчас. Но что такое брак на позитиве, мы не знали, его никогда не было. Но работалось тяжело. Дозировка располагалась на втором этаже, а весь процесс приготовления эмульсии был на третьем. Всё сырьё и материалы носили на плечах, на руках. Я даже сейчас с закрытыми глазами проделываю этот путь, обойду все углы, чтобы не разбить, не разлить, не расплескать. После варки выгрузку производили ковшом или кастрюлей. Была большая загазованность...

— Наверное, была возможность, Зинаида Павловна, найти место полегче, поспокойней?

— При желании всё можно, но если любишь и знаешь свою работу, она не в тягость, как цепями приковывает к себе. И трудно было, тяжело, сырость постоянная, но с девчатами работалось с удовольствием. Это когда человек не знает, не любит своё дело — и усталость тут как тут, и раздражение, и нервы.

Вместе с сотнями женщин Зинаида Павловна пережила самое трудное время становления фабрики, военные и послевоенные годы.

— Работала как все, — говорит она, — как умела, как подсказывало сердце. В конце 41-го нас послали на трудовой фронт под Ростов. Рыли противотанковые рвы. Валеночки на мне были, пальтишко. Морозы стояли страшные. Работала ломом, кувалдой, лопатой, киркой.

По кусочкам долбили и долбили землю. Холодно и голодно: да разве ж мне одной доставалось так? Всем...

В феврале 42-го З. П. Кузнецова вернулась на фабрику. Оборудование, которое хотели эвакуировать в Красноярск, вернули со станции Берендеево. Битва под Москвой ликвидировала опасность оккупации Переславщины. Дни и ночи шёл монтаж агрегатов. Она вновь стала у ваточных аппаратов. Её назначают бригадиром эмульсионеров, она отвечает полностью за качество эмульсии. Фронту требовались срочно плёнки для аэрофотосъёмки, рентгеновские плёнки для госпиталей, продукция для кинематографии. И с каждым месяцем всё больше и больше. А это — труд и труд, и ничего более. До ломоты в костях, до самоотречения, до полнейшего изнеможения, когда уже и ноги не несут домой. Сунется где-нибудь в закутке, минута прошла — и мёртв человек. Но можно вообще не спать, если знаешь: без тебя не обойтись.

Зинаида Павловна выходит в соседнюю комнату и на столе появляются две коробки. В одной из них стопка Почётных грамот. Пожелтевшие, потёртые, они датированы фронтовыми годами. Бережёт как память молодости.

В небольшой коробочке — орден Трудового Красного Знамени, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», юбилейные медали.

Михаил Николаевич Кожевников в своей книге «Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» написал: «Своевременно вскрывая группировки войск, флота и авиации противника, систему его обороны, перемещения резервов, дислокацию штабов и пунктов управления, воздушная разведка оказывала неоценимую помощь советскому командованию в определении намерений врага и более целеустремлённому использованию войск и авиации по его разгрому. Фронтовая авиация на выполнение этой задачи совершила более 11% от общего количества самолёто-вылетов. За время войны была сфотографирована площадь, равная 6,5 млн. кв. километров, которая на один млн. кв. км превышала Европейскую часть СССР».¹

В музее «Славича» хранится папка, в которой собраны воспоминания наших ветеранов. Вот что пишет Таисия Ивановна Истомина: «В то время мы изготавливали не один десяток сортов эмульсии. Особенно хорошо у нас работала бригада варщиков Зинаиды Павловны Кузнецовой. В нашем цехе, да и на фабрике эта бригада была передовой».

Чем измерить вклад человека? Процентами, тоннами сваренной эмульсии? Не считано, не мерено, не вешано всё это, но то, что он есть — не вызывает сомнений. Она была частью того времени — активной, действующей, воюющей.

Много раз мне приходилось писать о наших славных женщинах-ветеранах, тех, на чьих хрупких плечах держалась фабрика киноплёнки в годы войны и после. Всегда восхищала и потрясала их самоотверженность, стойкость к невзгодам. Они понимали: вместе с киноплёночниками на фронте фабрика защищает своё Отечество, и любовь к нему — это и есть главное измерение их труда. Низкий вам поклон, женщины России, за преданность Родине!

Зинаида Павловна с 65-го года на пенсии. Всё, что могла, отдала производству. Прибывает в своей чистенькой квартирке. Потихоньку ходит в магазин за молочком, на рынок. Встречается с бывшими товарищами по работе — почаёвничают, поговорят, поплачут. У ветеранов «Славича» своя, особая душевная сцепка, рождённая в трудное время и проморённая десятилетиями.

Они мне рассказала одну историю. Ехала как-то в автобусе с подругами, говорили о жизни, делах. И вдруг услышала посторонний голос:

— Пропахали, прогорбатились, как каторжники, от звонка до звонка: а что заработали — медальки да грамотки?

Человек мерил своим аршинчиком всю эту огромную жизнь. Под сердце будто кусок льда положили. Зинаида Павловна долго потом не спала, думала, думала... Не юлила, не искала места потеплей, посытней. Во время войны делилась куском хлеба с матерью, ходила копать мёрзлую картошку и пекла лепёшки. Умерла мать Матрона Филипповна, не оставив своим дочерям набитых добром сундуков, передала святые иконы и светоносные истины, на которых воспитывала детей: главное на земле правда, любовь, совесть и труд. И никогда не поступилась этим сидящая женщина, сидящая напротив меня. Всё пережила вместе со страной, с людьми.

¹Кожевников, М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / М. Н. Кожевников. — М.: Наука, 1977. — С. 262—263.

Не спихивала трудных дел на чужие плечи. Первая была в работе, на торфозаготовках, подставляла плечо под бревно на лесосеке: кто, если не я?

Спокойно и светло у неё на душе. Чиста совесть перед людьми и жизнью. А это самая главная награда человек на земле.